

**«Берегись трамвая!»
(Еще раз о возможных источниках
сцены гибели Берлиоза)**

В работах М. С. Петровского выдвинуто предположение о том, что источником сцены гибели Берлиоза в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» послужил один из эпизодов рассказа А. И. Куприна «Каждое желание». Мы полагаем, что едва ли не более значимым претекстом для финала 3-й главы «Мастера и Маргариты» может считаться «трамвайный эпизод» из повести С. Д. Кржижановского «Материалы к биографии Горгиса Катафалаки». Особое внимание в статье уделено одной из деталей, общих для Кржижановского и Булгакова, — надписи «Берегись трамвая!», упоминаемой, в частности, также в романе Н. Н. Никандрова «Путь к женщине». Наличие переключек между романами Никандрова и Булгакова уже отмечалось исследователями; как кажется, к числу таких переключек должны быть добавлены не только предостерегающая надпись, но и упоминание опустевшей бульварной аллеи.

In his works M. S. Petrovsky assumes that the source of the scene of Berlioz's death in M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" was an episode of the A. I. Kuprin's story "Every wish". We suppose that one can regard, as a nearly even more important pretext of the ending of chapter 3 of "The Master and Margarita", a "tram episode" from the story of S. D. Krzhizhanovsky "Materials for the biography of Gorgis Katafalaki". We pay special attention to one of the details common for Krzhizhanovsky and Bulgakov — a sign "Mind the tram!", which is also mentioned, particularly, in the N. N. Nikandrov's novel "Way to a woman". The parallels between Nikandrov's and Bulgakov's novels have already been noted by the scholars; presumably, not only a warning sign, but also a mention of the deserted boulevard alley should be added to their list.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М. А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», С. Д. Кржижановский, Н. Н. Никандров, интертекстуальные связи.

KEYWORDS: M. A. Bulgakov, “The Master and Margarita”, S. D. Krzhizhanovsky, N. N. Nikandrov, intertextual relations.

С момента выхода книги М. С. Петровского «Городу и миру: Киевские очерки» [Петровский 1990] (ср. также более позднюю работу [Петровский 2001/2008]) среди специалистов становится более или менее общепризнанным тезис о том, что одним из источников ряда мотивов и сцен романа «Мастер и Маргарита» послужил рассказ А. И. Куприна «Каждое желание» (1917; в 1920 году издан в переработанном виде под названием «Звезда Соломона»); см., в частности, [Лесскис: 262; Лавров: 307; Пахарева: 120] (Т. А. Пахарева прямо называет «Каждое желание» «одним из самых прозрачных претекстов булгаковской „дьяволиады“ в „Мастере и Маргарите“»). В настоящее время данное сопоставление можно уже даже считать в той или иной мере усвоенным «массовой культурой» — ср., например, фрагмент записи «„Яма“ и другие произведения Куприна в „Мастере и Маргарите“» в блоге «Библиомания» на платформе «Яндекс. Дзен», разумеется, не содержащей ссылок ни на книги Петровского, ни на какие бы то ни было другие исследовательские работы: «...[В]лияние Куприна на Булгакова отрицать невозможно. Немало идей и даже фраз почерпнуто из полузабытого рассказа Куприна „Звезда Соломона“»¹.

К числу таких сцен относится и сцена гибели Берлиоза [Лесскис: 359]. В рассказе Куприна ей соответствует следующий эпизод XI (предпоследней) главы:

По Александровской улице сверху бежал трамвай, выбрасывая из-под колес трескучие снопы фиолетовых и зеленых искр. Описав кривую, он уже приближался к углу Бульварной. Кака-я-то пожилая дама, ведя за руку девочку лет шести, переходила через Александровскую улицу, и Цвет подумал: «Вот сейчас она обернется на трамвай, замнется на секунду и, опоздав, побежит через рельсы. Что за дикая привычка у всех женщин непременно дожидаться последнего момента и в самое неудобное мгновение броситься наперерез лошади или вагону. Как будто они нарочно испытывают судьбу или играют со смертью. И, вероятно, это происходит у них только от трусости».

Так и вышло. Дама увидела быстро несущийся трамвай и растерянно заметалась то вперед, то назад. В самую последнюю долю секунды ребенок оказался мудрее взрослого своим звериным инстинктом. Девочка выдернула ручонку и отскочила назад. Пожилая дама, вздев руки вверх, обернулась и рванулась к ребенку. В этот момент трамвай налетел на нее и сшиб с ног.

Цвет в полной мере пережил и перечувствовал все, что было в эти секунды с дамой: торопливость, растерянность, беспомощность, ужас. Вместе с ней он — издали, внутренне — суетился, терялся, совался вперед и назад и, наконец, упал между рельс, оглушенный ударом. Был один самый последний, короткий, как зигзаг молнии, необычайный, нестерпимо яркий момент, когда Цвет сразу пробежал вторично всю свою прошлую жизнь, от крупных событий до мельчайших пустяков...²

Сходства между «трамвайными эпизодами» у Куприна и Булгакова подробно рассмотрены М. С. Петровским [Петровский 1990: 229; Петровский 2001/2008: 42]. Не отрицая наличия этих сходств, заметим все же, что различия между двумя сценами не менее существенны:

- у Булгакова действие происходит в Москве, у Куприна — в некоем украинском городе, часть реалий которого (в том числе Александровская улица с проложенной по ней трамвайной линией) соответствует Киеву начала XX века, тогда как другая часть его отождествлению с Киевом противоречит [Петровский 2001/2008: 43];
- у Булгакова жертвой трагического случая оказывается один из достаточно важных персонажей романа, мужчина, у Куприна — ранее не фигурировавшая в тексте безвестная «пожилая дама». Кроме того, у Куприна в события оказывается вовлечен еще один персонаж, маленькая девочка, счастливо избегающая гибели. У Булгакова никакого аналога такому персонажу нет;
- у Булгакова, несмотря на то что непосредственным свидетелем трагедии оказывается Иван Бездомный, события описаны глазами некоего абстрактного наблюдателя (и отчасти — самого Берлиоза). Напротив, у Куприна вся сцена дана через восприятие

главного героя рассказа, Ивана Степановича Цвета, сознание которого в какой-то момент «сливается» с сознанием пожилой дамы.

Мы полагаем, что едва ли не более значимым претекстом для финала III главы «Мастера и Маргариты» может считаться «трамвайный эпизод», созданный еще одним знаменитым «московским киевлянином» — Сигизмундом Доминиковичем Кржижановским.

На уровне имен сопоставление Булгакова и Кржижановского является фактически общим местом. Так, сам же М. С. Петровский отмечает, что творчество Кржижановского «дает с булгаковским цепочку чрезвычайно выразительных соответствий жанрового, сюжетного, образного характера» [Петровский 2001/2008: 1]. Однако работы, посвященные непосредственному сопоставлению конкретных произведений двух писателей, нам практически неизвестны. Одно из редких исключений — лаконичные соображения исследователя советской фантастики А. Н. Солдатова, выступающего в Интернете под псевдонимом *jamixa*, о сходстве между «медицинским» рассказом Кржижановского «Фантом» (1926; при жизни автора не публиковался) и вышедшим годом позже рассказом Булгакова «Морфий»: по мнению А. Н. Солдатова, «[н]е исключено, что о реалиях жизни земского врача Кржижановскому и поведал Булгаков...»³.

«Трамвайный эпизод», о котором идет речь, присутствует в самом начале повести «Материалы к биографии Горгиса Катафалаки» (1929) и представляет собой описание обстоятельств гибели главного героя:

Просматриватели хроники происшествий, может быть, и помнят зажатую в три строки непарели смерть старика Катафалаки. Переходя трамвайный путь, престарелый Катафалаки заметил непонятный красный блик, задержавшийся навстречу над вертушей бульвара. Заинтересованный феноменом, Катафалаки, став меж двух стальных параллелей, вытащил из футляра очки и, поймав проволочной заушиной ухо, наставил стекла на кривляющееся пятно; он успел уже прочесть: «Берег...» — и был распластан. Черная закладка смерти прикрыла «...ись трамвая».

В наследство сыну остались — лишь пустая оправка очков, разбитых ударом бульжника, да пара чисто катафалаковских —

вопросительными знаками из переносицы — чернильного цвета бровей⁴.

Близость двух эпизодов несомненна. В обеих сценах фигурируют вертуш(к)а при выходе с московского бульвара, надпись «Берегись трамвая!», парадоксальным образом не оберегающая героев, а прямо или косвенно способствующая их гибели, бульжники мостовой и разбитые стекла. Ничего этого нет у Куприна (правда, есть Бульварная улица). «Кривляющемуся пятну» из повести Кржижановского в романе Булгакова отвечает кривляние «бывшего регента» (примечательно, что при этом само превращение Коровьева в регента, вероятно, подсказано как раз рассказом Куприна, где фигурирует некий «регент Среброструнов», явившийся к Цвету просить денег).

Как отмечают исследователи, Булгаков и Кржижановский были знакомы еще по Киеву. С учетом этого обстоятельства кажется вполне вероятным, что их общение в Москве было достаточно тесным и доверительным — вплоть до того, что Кржижановский мог дать прочитать младшему коллеге свою только что написанную повесть.

Литературная история одной из деталей, общих для Кржижановского и Булгакова, — надписи «Берегись трамвая!», — на наш взгляд, заслуживает отдельного обсуждения. Помимо «Мастера и Маргариты» и «Материалов к биографии Горгиса Катафалаки» нам известны еще три произведения, в которых фигурирует эта надпись. Одно из них — повесть В. В. Вересаева «Исанка» (1927, впервые опубликована в журнале «Новый мир», 1928, № 3), финал которой выглядит так:

Загремел и зазвонил вдали трамвай, меж пушисто-белых ветвей заморгала красная надпись: «Берегись трамвая!»
Исанка вскочила.

— Пятнадцатый номер! Последний, наверно. Придется на Девичье Поле переть пешком... Пока!

И побежала к остановке, скрипя по морозному снегу⁵.

Второе — роман Н. Н. Никандрова «Путь к женщине» (впервые целиком опубликован отдельной книгой в 1928 году [Михайлова: 494]; А. В. Лавров (см. ниже) указывает 1927 год), вторая часть которого заканчивается следующей сценой:

Боковая аллея на долгое время пустеет...

В чаще кустарника, у бокового выхода с бульвара на мостовую неожиданно среди бела дня вспыхивает электрический свет, и несколько мгновений тревожно танцуют в воздухе, среди освещенной зелени крупные, кораллово-красные буквы: «Берегись трамвая!»⁶

Третье — первая часть неоконченной трилогии К. А. Большакова «Маршал сто пятого дня», изданная в 1936 г. под названием «Построение фаланги» (рукопись второй части пропала при аресте писателя, третья часть, по-видимому, так и не была начата). В ней имеется следующий фрагмент:

Глеб решительно свернул в сторону.

— Сюда? — почему-то удивленно воскликнул незнакомец и схватился за турникет, не пуская Глеба выйти с бульвара. Над их головами предупредительно вспыхнула и беспокойно заметалась красная надпись:

«Берегись трамвая», «Берегись трамвая»...

С грохотом и звоном пронесся мимо вагон. <...>

— Позвольте мне пройти, — мягко сказал Глеб и повернул вертушку. Незнакомец, пропуская Елистова, отступил в сторону, но и сам вслед за ним перешел с бульвара на мостовую⁷.

Какая-либо связь романа Булгакова с «Исанкой», по-видимому, крайне маловероятна (даже несмотря на то, что ее главный герой носит, причем явно не случайно, фамилию Чертов): в содержании двух произведений невозможно усмотреть ничего общего, психологически напряженный, но отнюдь не трагический финал повести Вересаева совсем не похож на катастрофу, разыгравшуюся перед Иваном Бездомным, кроме того, действие заключительных страниц «Исанки» происходит зимой.

Скорее всего, то же верно и в отношении «Построения фаланги» — прежде всего с учетом его достаточно поздней (с точки зрения хронологии работы Булгакова над «Мастером и Маргаритой») публикации.

С романом Никандрова дело обстоит иначе (хотя в нем, как и у Вересаева и Большакова, появление предостерегающей надписи не оборачивается никакими бедами). Еще в 1976 году М. О. Чудакова отметила, что в первой части «Пути к женщине», опубликованной в 1927 году в «Новом

мире» в виде отдельной повести под названием «Знакомые и незнакомые», в качестве эпизодических персонажей упоминаются беллетристы Иван Бездомный, Иван Бездолжный и Иван Безродный [Чудакова: 220–221]⁸. Отталкиваясь от этого наблюдения, А. В. Лавров посвятил вопросу о возможной взаимосвязи двух романов специальную статью [Лавров]. Подробно остановившись на причинах, которые могли обусловить интерес Булгакова к творчеству Никандрова, исследователь приводит ряд параллелей между «Путем к женщине» и «Мастером и Маргаритой», по большей части вполне убедительных. Касается А. В. Лавров и вопроса об интересующей нас надписи:

Не стоит, вероятно, поддаваться соблазну и сопологать заключительные слова второй части «Пути к женщине»: «...крупные, кораллово-красные буквы: „Берегись трамвая!“ ...» — с предсмертными впечатлениями Берлиоза: «...в лицо ему брызнул красный и белый свет: загорелась в стеклянном ящике надпись „Берегись трамвая!“» (гл. 3, „Седьмое доказательство“); встречавшаяся на каждом шагу деталь московского быта отлагалась в писательском сознании поверх литературных ассоциаций [там же: 307].

Этот вывод представляется нам чересчур категоричным. Во-первых, как показано выше, данная «деталь московского быта» упоминалась в советской литературе отнюдь не часто и почти исключительно в рамках того очень узкого хронологического периода (конец 1920-х годов), к которому как раз и относится начало работы Булгакова над «Мастером и Маргаритой». Во-вторых и главных, А. В. Лавров не обратил внимания на фразу, непосредственно предшествующую в романе Никандрова упоминанию надписи: «Боковая аллея на долгое время пустеет...» Между тем эта фраза находит себе очень точную параллель в самом начале булгаковской книги:

Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера. Не только у будочки, но и во всей *аллее*, параллельной Малой Бронной улице, *не оказалось ни одного человека*. В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, — никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, *пуста была аллея* [курсив наш. — И. И., С. П.].⁹

Мы не беремся сказать, как именно шла работа М. А. Булгакова над первыми главами романа, какие параллели с произведениями других авторов он включал в текст осознанно, а какие, быть может, не вполне. Тем не менее мысль М. С. Петровского о «комбинирующем воображении Булгакова» [Петровский 2001/2008: 42] представляется нам в высшей степени справедливой.

Примечания

- 1 <https://zen.yandex.ru/media/id/5b76ec0e26248100ac4e0fc6/iama-i-drugie-proizvedeniia-kuprina-v-mastere-i-margarite-5c791ee206de4foob3dcd71> (дата обращения: 13.10.19)
- 2 Текст цитируется в редакции 1920 г. по изданию: *Куприн А. И.* Скорцы : сборник. М.: Директ-Медиа, 2010.
- 3 См.: <https://fantlab.ru/work149011> (дата обращения: 13.10.2019)
- 4 Текст цитируется по изданию: *Кржижановский С.* Возвращение Мюнхгаузена : повести. Новеллы. Л.: Худож. лит., 1990.
- 5 Текст цитируется по изданию: *Вересаев В. В.* Собр. соч. В 5 т. Т. 4. М.: Правда, 1961.
- 6 Текст цитируется по изданию: *Никандров Н. Н.* Путь к женщине : роман, повести, рассказы / сост. и коммент. М. В. Михайловой; вступ. ст. М. В. Михайловой, Е. В. Красиковой. СПб.: РХГИ, 2004.
- 7 Текст цитируется по изданию: *Большаков К. А.* Маршал сто пятого дня. Ч. 1. Построение фаланги. М.: Совпадение, 2008. Авторы выражают искреннюю благодарность М. С. Сухановой, обратившей их внимание на роман Большакова.
- 8 Помимо трех Иванов, в романе Никандрова выведены куда более многочисленные Антоны, также наделенные «прилагательными» псевдонимами: Антон Тихий, Антон Смелый, Антон Печальный, Антон Нелюдимый, Антон Кислый, Антон Сладкий, Антон Кисло-сладкий, Антон Нешамавший, Антон Неевший. А. В. Лавров полагает данных представителей писательской общественности «безусловно, обязанными своим происхождением классической повести Григоровича „Антон Горемыка“» [Лавров: 303]. На наш взгляд, эти персонажи Никандрова не имеют к Григоровичу никакого отношения (Горемыка — и не прилагательное, и не псевдоним); гораздо вероятнее, что источником их появления послужила памятная многим тогдашним читателям литературная война: «А. В. Луначарский, ведя полемику с публицистом Антоном Крайним (под этим псевдонимом

скрывалась З. Гиппиус), нарочито подписывался *Антон Левый* и *Антон Новый*» [Дмитриев: 45–46] (курсив наш. — *И. И., С. П.*).

9 Текст цитируется по изданию: *Булгаков М. А. Мастер и Маргарита*. М.: Худож. лит., 1988.

ЛИТЕРАТУРА

Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов). М., 1977.

Лавров А. В. Поэт Иван Бездомный и его литературное окружение // *Лавров А. В. Символисты и другие : статьи. Разыскания. Публикации*. М., 2015. С. 300–308.

Лескис Г. А. Триптих М. А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия»; «Записки покойника»; «Мастер и Маргарита». Комментарии. М., 1999.

Михайлова М. В. Комментарии // *Никандров Н. Н. Путь к женщине : роман, повести, рассказы / сост. и коммент. М. В. Михайловой; вступ. ст. М. В. Михайловой, Е. В. Красиковой*. СПб., 2004.

Пахарева Т. А. В пространстве парадокса: о некоторых купринских коллизиях у М. Булгакова // *Вестн. Моск. университета. Сер. 9: филология*. 2016. № 3. С. 119–129.

Петровский М. С. Городу и миру: Киевские очерки. Киев, 1990.

Петровский М. С. Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2008 // URL: <https://unotices.com/page-books.php?id=166631> (дата обращения: 13.10.2019).

Чудакова М. О. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Вопр. литературы*. 1976. № 1. С. 218–253.